

Текст статьи - доклада
К Международному симпозиуму
«Большая история и глобальная эволюция»

Штырбул Анатолий Алексеевич

Эволюция идеи социальной справедливости:
К вопросу о взаимосвязи и преемственности элементов и этапов
(с древних времен до появления марксизма)

Аннотация

Мог ли повлиять на возникновение марксизма (и служить его отдаленным источником) теоретический и практический опыт, скажем, «крестьянской республики Ямасиро» в Японии (XV в.), средневековых буддийских сект и возникших на их основе справедливых общественных очагов в Китае, Японии, Вьетнаме (XV-XVI вв.), китайских крестьянских восстаний древности и раннего Средневековья, государств даосов, хариджитов, карматов, павликиан и ряд других аналогичных явлений истории древнего и средневекового Востока, о которых К. Маркс и Ф. Энгельс, скорее всего, ничего (или почти ничего) не знали? На этот и подобные вопросы большинство исследователей марксизма и социализма, - как из числа сторонников, так и противников, - ответят, вероятно, отрицательно. Однако рискнем утверждать, что этот опыт все же повлиял.

Ключевые слова: эволюция идей, социальная справедливость, историческая преемственность, утопии и утопизм, марксизм.

Историки и обществоведы, занимавшиеся проблемами утопии, социального утопизма и утопического социализма, в 1960–1980-е гг. довольно бурно спорили, где кончается предыстория и начинается история социализма; что и с какого времени уже можно считать утопическим социализмом (и предшественником марксизма), а что нет. В постклассическом марксистском, в первую очередь советском, общественном сознании сложились два основных подхода к пониманию предпосылок и источников марксизма и научного социализма.

Одни исследователи относили появление элементов социалистических идей ко времени зарождения классовых отношений и антагонистических обществ (В. П. Волгин, Б. Ф. Поршнев, М. А. Барг, Г. С. Кучеренко [Федоров], Б. М. Руколь, П. Я. Мирошниченко, М. П. Капустин и др.). Согласно этому подходу, социалистические идеи имеют свою древнюю, средневековую, новую и новейшую историю. Конечно, применительно к Античности и Средневековью можно говорить лишь об элементах социалистических идей. И только затем «зарождение, становление и закат капитализма, появление на исторической арене пролетариата ведут к превращению этих элементов в развернутые системы, создают предпосылки для превращения социализма из утопии в науку, а затем и в практику социалистического строительства» (Федоров [Кучеренко] 1969: 166).

Другой подход был основан на мнении, что зарождение утопического социализма следует относить только к эпохе капитализма и появления пролетариата (А. И. Володин, Э. С. Виленская, Н. Е. Застенкер, А. Э. Штекли и др.). Так, А. Э. Штекли полагает, что собственно социализм и коммунизм, пусть и утопические, возникли, самое раннее, лишь на рубеже XVIII-XIX вв. как идейное выражение реальной борьбы разнообразных социальных сил с негативными последствиями торжества капиталистического способа производства и господства буржуазии, а все, что было до этого, в том числе и идеи Т. Мора, Т. Мюнцера, Т. Кампанеллы, – не более чем туманные социальные утопии, к социализму отношения не имеющие (Штекли 1993: 3-5,

269-270). «...Многообразные проявления народных мечтаний о “золотом веке”, – считает Н. Е. Застенкер, – не могут служить обоснованием для весьма натянутых националистических построений о якобы существующем сквозном “континуитете” между уравнительными и общинными идеалами Древнего Китая и других стран Азии и научным социализмом. В действительности между ними невозможно провести какой-либо непрерывной связи» (Застенкер 1985: 61). Но, не слишком ли категорично, и не вновь ли перед нами рецидивы европоцентризма?

При таком подходе у его оппонентов закономерно возникает ряд вопросов. «Если социалистическая идея, в том числе в утопической форме, социально связана только с укоренением капиталистических отношений и с пролетариатом, то как можно объяснить возникновение бесспорно социалистических требований (разумеется, утопических) в некоторых крестьянских движениях и средневековых ересьях, появление социалистических идеалов Томаса Мюнцера, Жана Мелье, великих русских революционных демократов, отразивших в своем творчестве – каждый в свое время – думы и чаяния не пролетариата, а крестьянства?» (Федоров [Кучеренко] 1969: 166-167). И как быть с проблемой идейной преемственности и преемственности опыта классовой борьбы в истории человечества?

«Происхождение некоторых социалистических идей можно возвести еще к Библии, но основные интеллектуальные истоки марксизма лежат в немецкой философии, английской политической экономии и французском утопическом социализме», – отмечает один из ведущих философов-марксистов США Бертелл Олман (Олман 2007: 97). В данном выводе важно то, что между Библией и французским утопическим социализмом автор признает существование некоего идейного континуитета и определенной преемственности. «Социалистическое движение в его современном виде тесно связано с развитием промышленного капитализма и насчитывает всего около ста лет, – отмечал в конце 1920-х гг. В. П. Волгин. – Но зачатки социалистической мысли восходят к весьма отдаленному времени. История

социализма в известном смысле может быть названа историей общественного самопознания человека. Возникновение первых элементов социализма совпадает с началом размышления человека об обществе. Разрушение натурально-хозяйственных отношений, появление неравенства и эксплуатации уже очень рано вызывают рефлексию по поводу зол общественного строя и по поводу того, каким он должен был бы быть, чтобы всем жилось хорошо» (Волгин 1928: 9). «Неразрывную цепь преемственности» социалистических идей аргументировано отстаивал философ М. П. Капустин (Капустин 1988: 155-156).

Широко известно образное выражение В. И. Ленина о том, что марксизм возник не в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации (Ленин 1976: 40). Таким образом, по Ленину, вся предшествующая история – и в реальности, и в ее научном отражении – вела к возникновению научного социализма (реализовавшегося в виде марксизма), который опирался на ряд исторических источников и предшественников, в том числе и на социалистические учения, у которых, в свою очередь, объективно и неизбежно должны были быть свои источники и свои предшественники, и так далее в прошлое. Поэтому, когда В. И. Ленин в той же работе говорит о трех научных источниках марксизма, в том числе и об утопическом социализме начала XIX в., то резко нижнюю черту не подводит, говоря и о XVIII в. В другом документе Ленин данную мысль универсально конкретизирует: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривалось лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» (Ленин 1978: 329). И эту диалектическую формулу смело можно применять к изучению любых исторических явлений, в том числе и к изучению истории социалистических идей и практик. «Коммунизм не доктрина, а *движение*. Он исходит не из принципов, а из *фактов*. Коммунисты имеют своей предпосылкой не ту или иную философию, а весь ход предшествующей истории и, в особенности, его современные фактические результаты в цивилизованных странах» (Маркс,

Энгельс 1955: 281). Конечно, К. Маркс и Ф. Энгельс, создавая свое учение, не могли знать всех без исключения фактов классовой борьбы в мировой истории, всех идей угнетенных, всех попыток (начиная с древности) создания справедливых обществ, но главное, что они знали: *человечество на всем протяжении классового общества стремилось к справедливости*. Разумеется, для возникновения и развития марксизма особенно важны результаты непосредственно предшествующей ему эпохи и фон его современности: только благодаря экономическим, общественным и научным достижениям этого периода марксизм мог появиться на свет. Но в приведенном положении Ф. Энгельса важно и другое: «весь ход предшествующей истории»!

Но, мог ли повлиять на возникновение марксизма (и служить его отдаленным источником) теоретический и практический опыт, скажем, «крестьянской республики Ямасиро» в Японии (XV в.), средневековых буддийских сект и возникших на их основе справедливых общественных очагов в Китае, Японии, Вьетнаме (XV-XVI вв.), китайских крестьянских восстаний древности и раннего Средневековья, государств даосов, хариджитов, карматов, павликиан и ряд других аналогичных явлений истории древнего и средневекового Востока, о которых К. Маркс и Ф. Энгельс, скорее всего, ничего (или почти ничего) не знали? На этот и подобные вопросы большинство исследователей марксизма и социализма, - как из числа сторонников, так и противников, - ответят, вероятно, отрицательно. Однако рискнем утверждать, что этот опыт все же повлиял.

В истории ничто и никогда не проходит бесследно, в том числе теоретический и практический опыт классовой борьбы, а также параллельно развивающийся (и часто переплетающийся с ним) поиск справедливого общественного идеала. И первый, и второй постепенно откладываются в письменных источниках, в устном народном творчестве, наконец, возможно, и в генетической памяти поколений, а может быть, и в информационном поле (если таковое действительно существует). Так же постепенно (и незаметно) данный опыт может путешествовать по планете, что и происходило еще задолго

до возникновения Интернета (хотя, понятно, гораздо медленнее). И если в истории социальных идей и в их эволюции отдаленными предшественниками научного социализма так или иначе признаются религиозные бунтарские ереси и аналогичные общественные очаги античной и средневековой Европы и околоевропейского пространства, то почему должно быть отказано в этом аналогичным идеям и практикам древнего и средневекового Востока? Только лишь потому, что марксизм возник в Европе? Но еще в глубокой древности, и затем на протяжении многих веков по Великому шелковому пути из Европы в Китай и обратно вместе с людьми путешествовали, как доказал Л. Н. Гумилев, не только товары, но и идеи. Непрерывность, преемственность и взаимосвязь социальных идей и практик Запада и Востока порой трудно проследить, но это вовсе не значит, что их не было. К настоящему времени собрано уже достаточно исторических фактов, чтобы сделать вывод: на всех отрезках времени и на всех этапах развития идей и практик социальной справедливости существовала своя определенная преемственность и своя глобальная взаимосвязь, пусть и не всегда на первый взгляд очевидные и различимые. Поэтому нельзя исключать, что какие-то из них напрямую или же в некоем преломлении проникли в Европу, став источниками дальнейших, уже европейских идей и систем социальной справедливости.

Одним из примеров такого проникновения может служить судьба манихейства, (родившегося в Персии в III в. н. э. и затем получившего распространение и дальнейшее развитие на Востоке - от Византии до Китая), в котором еретические элементы социальных идей, обогащенных национальными «еретическими» чертами и представлениями восточных обществ, занимали значительное место. Из Китая в Европу подобным образом могли прийти отдельные социальные элементы буддизма, даосизма, из Индии – буддизма и индуизма. Попав через Византию в Европу вместе с манихейством, эти идеи могли в какой-то мере повлиять на формирование еретических проманихейских учений павликиан, богомилов, катаров, а те, в свою очередь, спустя столетия отчасти повлияли на так называемые

евангелические ереси, в том числе на анабаптистов, левое крыло которых марксизм, хотя и с оговорками, относит уже к носителям первых, пусть и примитивных, зачаточных, но все-таки реальных коммунистических идей и практик.

Нити преемственности и взаимосвязи бывают видимые и невидимые, явные и неявные. «У любой мысли всегда есть продолжение», – считали античные мудрецы. Поэтому не стоит преувеличивать дискретность, прерывистость в истории вообще и в истории идей в том числе. По В. С. Готту, «материальные объекты, процессы и явления характеризуются диалектическим единством прерывного и непрерывного»; более того, «прерывность – условие существования и развития непрерывности» (Готт 2012: 459, 460). История эволюции и судьбы идей социальной справедливости, оптимального и гармоничного общественного идеала, конечно, не исключение. Определить, каким образом, когда и как осуществлялись в каждом отдельном случае эти взаимосвязи и эта преемственность, «непрерывность через прерывистость» – задача будущих исследователей, но уже и сейчас ясно, что история располагает сегодня на этот счет огромным, хотя пока еще разрозненным фактическим материалом.

Идеи развиваются и передаются в своеобразном информационном пространстве, где все взаимосвязано, как и в истории вообще. Причинно-следственные связи бытия, видимо, гораздо глубже, чем мы себе можем пока представить. «Природа нового парадоксальна: ничто не ново в этом открытом креативном, т. е. постоянно творящем новое, мире» (Князева, Курдюмов 2002: 134). Интересно, что в момент написания и выхода «Манифеста Коммунистической партии» все еще существовало (правда, доживало свои последние годы) выросшее из времен Средневековья государство сикхов (созданное трудящимися – ремесленниками, крестьянами, мелкими торговцами), а спустя всего лишь три года возникло крестьянское государство тайпинов, своими традициями также уходящее в далекое прошлое. Идея справедливого общества витала в воздухе и

реализовывалась в зависимости от исторических и цивилизационных условий. Но все же все ее варианты, несмотря на их непохожесть, как и ранее, до марксизма, так и одновременно с ним шли, как говорят военные, в «сходящихся направлениях».

Существует, видимо, вектор, а возможно, и цельная *программа* движения человечества к оптимальному справедливому, гармоничному обществу, и эта программа проявляется не только линейно, в смысле медленного и постепенного развития общественного прогресса в целом, но и нелинейно, в повторяющихся (в разное время и в разных цивилизационных и формационных условиях) многочисленных попытках создания теоретических проектов и практических очагов такого общества в ходе классовой борьбы (Штырбул 2010). «Хотя действие разума в известных узких пределах и неодинаково, он неизменно стремится к одним и тем же идеалам», – считал Л. Г. Морган (Морган 1934: 329). Возможно, подтвердить это могла бы дальнейшая разработка проблемы информационного поля, природа которого пока не вполне ясна, а кто-то и вообще ставит под сомнение его реальность, но целый ряд фактов и доводов свидетельствует в пользу его реального существования и функционирования. В научной разработке самых разных исследований в русле проблемы информационного поля в целом, сегодня находятся: единый и цельный информационный континуум; синергетическая программа саморазвития человеческого общества (и мироздания в целом); генетическая память с генетическим кодом; другие подобные проблемы. Тысячелетние наблюдения и размышления древних как будто бы тоже свидетельствуют в пользу чего-то подобного. Это «что-то», существующее, возможно, объективно, но и до сих пор трудноуловимое, они пытались осмыслить и отобразить в силу своих возможностей: «*Книга судеб*», «*меон*», «*хроники Акаши*», «*связь времен*», «*идеи носятся в воздухе*», «*ангел библиотеки*», «*рукописи не горят*».

Разумеется, следует различать социальный утопизм и утопический социализм (и здесь, безусловно, нужно согласиться с А. Э. Штекли, который

в своих работах это утверждает), но нельзя не видеть, что последний на определенном этапе возник из первого, а научный социализм, марксизм, тоже на определенном этапе возник, имея одним из основных своих предшественников социализм утопический. И нельзя не признать, что и социальный утопизм, и утопический социализм как его этап, и пришедший на смену последнему научный социализм (в виде марксизма) – все они, каждый по-своему, в зависимости от исторических условий и возможностей, решали проблему создания оптимального и справедливого общественного устройства. В этом их определенная общность и в этом их последовательная преемственность. У каждого из них была своя предыстория, были различные источники. Порой трудно проследить, у кого какие конкретно, но важно понять тот принцип, что на всех отрезках времени и на всех этапах развития идеи и практики социальной справедливости существовала своя преемственность, и все «ручейки» рано или поздно передавали свое содержимое, или хотя бы его часть, в общее русло.

Объявив марксизм очередной социальной (социалистической, коммунистической и даже «религиозной») утопией, исследователи праволиберального направления, видимо, очень поторопились. Но даже и это поспешное их заключение подтверждает, пусть косвенно (и помимо их воли), преемственность и взаимосвязь в исторической эволюции всех существовавших и существующих социалистических идей.

Библиография

Волгин В. П. 1928. Введение. *Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений*. Часть первая. М.; Л.: Госиздат. С. 9-13.

Готт В. С. 2012. Отражение прерывности и непрерывности материального мира в познании. *Неизбежность нелинейного мира: К столетию со дня рождения В. С. Гота*. М.: Гуманитарий. С. 437-460.

Застенкер Н. Е. 1985. *Очерки истории социалистической мысли*. М.: Мысль. 286 с.

Капустин М. П. 1988. От какого наследства мы отказываемся? *Октябрь* (Москва). № 5. С. 149-176.

Князева Е. Н., Курдюмов С. П. 2002. *Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомыры*. СПб.: Алетейя. 414 с.

Ленин В. И. 1976. Три источника и три составные части марксизма. *Полн. собр. соч.* М.: Политиздат. Т. 23. С. 40-48.

Ленин В. И. 1978. [Письмо] И. Ф. Арманд, 30 ноября 1916 г. *Полн. собр. соч.* М.: Политиздат. Т. 49. С. 328-334.

Морган Л. Г. 1934. *Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации*: пер. с англ. Л.: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР. 332 с.

Олман Б. 2007. Что такое марксизм? Взгляд с высоты птичьего полета: пер. с англ. *Альтернативы* (Москва). № 1. С. 96-106.

Федоров [Кучеренко] Г. С. 1969. О народных истоках утопического социализма. *Новая и новейшая история* (Москва). № 1. С. 166-167.

Штекли А. Э. 1993. *Утопии и социализм*. М.: Наука. 272 с.

Штырбул А. А. 2010. *Государства и общества трудящихся: историческое наследие. Кн. I. (С древних времен до начала XX века)*: Омск: Изд-во ОмГПУ. 662 с.

Энгельс Ф. 1955. Коммунисты и Карл Гейнцен. *Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения*. 2-е изд. Т. 4. С. 268-285.

Контактные данные об авторе:

Штырбул Анатолий Алексеевич,
доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии
исторического факультета
Омского государственного педагогического университета

Рабочий адрес:
644099, Омск, наб. Тухачевского-14, ОмГПУ,
кафедра всеобщей истории, социологии и политологии

Дом. тел.
8-(381-2)-25-71-00
8-(381-2)-52-44-49

Раб. тел.
8-(381-2)-23-25-62

Факс вуза:
8-(381-2)-24-37-95

E-mail:
morgan_58@mail.ru